

отношения, но это скорее исключение из правил, а различные корпоративные события неделового характера носят формальный характер и демонстрируют скорее внешнее единение сотрудников, чем личностное стремление друг к другу.

Степень эксплуатации западного общества выше, чем в России (если понимать под ней отношение величины усилий человека при выполнении дела к уровню вознаграждения). А рынок труда имеет ярко выраженный конкурентный характер, где побеждают обладатели более высоких профессиональных качеств (товар — рабочая сила). В России конкурируют более личные, чем деловые качества. Потому что на работе в России, не только работают, но и живут: любят, дружат, отмечают праздники и юбилеи, разделяют горе и соболезнуют смерти близких. Поэтому рынок труда здесь выглядит не как институт, а скорее как ярмарка, где продавец и покупатель обоюдно выбирают друг друга.

Реальная граница между Востоком и Западом проходит внутри человека. Существует мифологема, что Запад — это рациональное, Восток — иррациональное. Но носителем того и другого является человек. Душа и разум человека, наполненные отражением реальной среды обитания и культурных мифов в ней, дают ему возможность выступать мерой и носителем восточных или западных ценностей.

Все социальные преобразования в России, основанные на концепциях и идеях западных авторов, (включая и марксизм), будучи пропущены через российскую ментальность, в реальной жизни дают

совершенно не предсказуемый результат, далекий от идеала. Как отмечал П.Я. Чаадаев: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось».¹¹ Формирование нового типа общественных отношений неизбежно будет длительным процессом. Его результаты, как и успех в целом, будет зависеть от тех людей, которые будут находиться у власти. Очень важно, чтобы они в своей деятельности ориентировались не на Запад или Восток, а на Россию, которая в своем сердце вместила и то и другое.

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1973. С. 33.

² Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М. 1995. С.32.

³ Зиновьев А. Запад: феномен западнизма. М. 1995. С.46.

⁴ Зиновьев А. Там же. С.312.

⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М. 1995. С.163.

⁶ Иванова Т.В. Ментальность.// ОНС. №. 2002. С 168.

⁷ Коллонтай В. Социальные трансформации в России. МЖСИ № 26, август 1999г С.127

⁸ Лосский Н.О Характер русского народа. Посев. 1957. С.20.

⁹ Зиновьев А. Там же. С. 22.

¹⁰ Там же С. 66

¹¹ Чаадаев П.Я. Философские письма. Избранные сочинения и письма. М. Изд-во «Правда» 1991 г. С.25.).

А.М. Воробьев

НЕВАЖНО, КАКОГО ЦВЕТА КОШКА...

Алексей Матвеевич Воробьев,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

Перспективы формирования гражданского общества в России в значительной степени зависят от состояния *сознания* народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. В связи с этим немаловажное значение представляет опыт демократизации и тип гражданской культуры в *Японии*, где имеется много схожего с групповыми, коллективистскими и иерархическими нормами и ценностями, бытующими и в нашей стране. Об этом хорошо написал известный тележурналист В. Цветов. В одном из сюжетов он рассказывает, что в цехах телевизионного завода концерна «Мацусита

дэнки» он встретил хорошо знакомый лозунг: «Кадры решают все!» Здесь и на других предприятиях японские предприниматели используют в своих целях некоторые положения марксистской науки. «Японские менеджеры раньше, чем их американские и западноевропейские конкуренты, приняли во внимание, что первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»¹.

В отличие от западной модели демократии и ее приверженности защите индивидуума от давления государства и общества, японская модель делает акцент на самоорганизации личности, стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных институтов. Об этом убедительно рассказывает на страницах «Российской газеты» другой известный исследователь культуры Востока, автор книги «Ветка сакуры» В.Овчинников.

В основе японской Конституции лежит стремление избегать конфликтов, воздерживаться от злоупотребления правами и свободами.

Склонность подчинить личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушных граждан.

Если говорить о другой соседней с нами стране — Китае, то и здесь на содержание и путь общественного развития большое влияние оказывают традиции. Многие общественные отношения, которые в других странах регулируются нормами права, в Китае регулируются обычаями, традицией. Любопытны конституционные постулаты КНР: коллективизм вместо «западного» индивидуализма, дисциплина взамен вседозволенности, гармония

вместо плюрализма...

На первое место в иерархии прав в Китае выдвигаются, как раньше в СССР, социально-экономические права, которые считаются наиболее важными для трудящихся. В особой значимости их убеждаемся сегодня и мы, граждане России. Это — право на труд, которое у нас растворилось в общечеловеческих ценностях либеральной цивилизации, право на образование, пенсионное обеспечение, что также для нас актуально.

Конституция КНР (1982 г.) различает права граждан и права трудящихся. Право на труд принадлежит всем гражданам, а право на отдых, образование, пенсионное обеспечение — только трудящимся. Да, в Китае правительство, несмотря на огромное, почти 1,5 миллиардное население, настаивает на обязанности трудиться. Но сегодня она, как в западных странах (Германия, Франция и др. государствах), скорее носит моральный характер, хотя может быть в иных случаях и связана с правовым принуждением. Но, до процессов, как это было в 60-е годы в СССР над начинающим поэтом И. Бродским, дело не доходит. Тем более, когда в Китае 14 млн. безработных.

В последние годы, в связи с процессами глобализации и цивилизационными изменениями, распространением общечеловеческих ценностей, правами и свободами человека, в Китае проводится эффективная экономическая реформа, существенно оживилась законодательная деятельность. Отныне в основном законе страны провозглашается неприкосновенность частной собственности. Государство обязуется уважать и гарантировать гражданские права членов общества. На последнем съезде КПК в ее устав было внесено положение о том, что партия представляет интересы не только рабочего класса и крестьянства, но всех передовых производительных сил. Поэтому лучших предпринимателей стали принимать в члены КПК, избирать в руководящие органы партии. Дополнения к конституции КНР

свидетельствуют о намерении нового руководства направить страну на путь политических реформ, которые порядком отстали от реформ экономических².

В основном же китайцы поспевают, что называется, медленно, помня один из заветов знаменитого Дэн Сяо Пина: « Не важно, какого цвета кошка — лишь бы она мышей ловила». Возможно, эту мысль высказал еще великий китайский мыслитель Конфуций. Коллективизм помогает КНР по многим параметрам претендовать на роль второй сверхдержавы: темпы прироста продукции доходили в лучшие годы до 15%, большие золотовалютные запасы, успехи в космосе, наконец, это самая большая по числу населения и ядерная держава...

Мы не призываем вернуться к доперестроечным временам, восстановить прежнее, советское статус-кво. Да это и невозможно. Но социально-психологическая традиция коллективизма, которая держит, еще, нас, россиян, наплаву, могла бы поддерживаться и сохраняться еще не одним поколением.

И еще. Пока мы занимаемся словоблудием, говоря о борьбе с бедностью, в Китае за время перехода к рыночным отношениям удалось вытащить из абсолютной бедности четверть населения, избежав при этом социальной поляризации, подобной у нас. Это и называется социальной справедливостью, принципом, от которого мы высокомерно, объясняя все рыночными отношениями, отказались. В Китае уважают «хуацяо» — своих соотечественников, выехавших за рубеж и обладающих капиталами более чем в 400 млрд. долларов. Может быть, потому что эти деньги не украдены из страны, а нажиты праведным трудом?

¹ Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. М. 1986. С. 24.

² См. Овчинников В. Парламентарии дополняют конституцию // Российская газета. 2004. 12 марта.

Т.В. Наумова

СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ (КОНФУЦИЙ О ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ КУЛЬТЕ СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ КАК ОБ ОДНОЙ ИЗ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА)

Татьяна
Валерьевна
Наумова,
кандидат
философских
наук,
преподаватель
кафедры истории
философии
Уральского го-
сударственного
университета.

Человек живет в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной (или антикультурной) деятельности. Поколения людей создают язык, письменность, литературу, все виды искусств, науку, обычаи. С момента своего появления на свет каждый человек оказывается в атмосфере, созданной тысячами поколений людей. Чтобы найти в жизни что-то постоянное, непреходящее, чтобы воспринять культурные ценности во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения.

Перенесемся на 25 столетий назад в древний Китай и посмотрим, например, на особенности традиционного китайского понимания смысла жизни. В целях гармонического развития личности в Китае настойчиво проповедовались принципы нравственного и общественного кодекса, который заключался в таких моральных категориях, как долг, прощение, верность (или преданность), правдивость (или искренность), почитание родителей. Обратимся к учению Конфуция о сыновней почтительности.